

Константин Фролов¹

О МОДЕЛЯХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КРОСС-МИРОВОЙ ПРЕДИКАЦИИ²

Аннотация. Я выдвигаю два методологических возражения против концепции кросс-мировой предикации, которую предлагает Е. Борисов:

(1) Данный подход не учитывает того обстоятельства, что истинностный статус утверждений модального дискурса, как правило, интересует нас не в теоретико-модельном смысле, а в смысле истинности *simpliciter*. При этом данный подход не оставляет нам никакой возможности говорить о модальной эпистемологии и содержательном обосновании модальных утверждений.

(2) Данный подход не учитывает роли воображения и ментального моделирования в том, что Е. Борисовым называется «интуитивным пониманием» рассматриваемых им утверждений. Учёт воображения и ментального моделирования, в свою очередь, переводит содержание подавляющего числа рассматриваемых Евгением примеров в разряд эпистемической модальности говорящего. При этом корректный переход от субъективной эпистемической модальности говорящего к любым типам объективных модальностей в рамках подхода Евгения попросту не может быть осуществлён, поскольку такой переход предполагает наличие внятной концепции модальной эпистемологии, чего Евгений нам не предлагает. Истинность любых рассматриваемых им примеров — это истинность на моделях говорящих, то есть на фреймах, в рамках которых говорящие полагают некоторые миры достижимыми из актуального.

Ключевые слова: кросс-мировая предикация, семантика возможных миров, эпистемология модальностей, метафизика модальностей.

Konstantin Frolov

ON MODELS FOR CROSS-WORLD PREDICATION

Abstract. I raise two objections to E. Borisov's methodology for building the theory of cross-world predication:

(1) This approach does not take into account the fact that usually we are interested in truth values of modal claims not in the model-theoretical sense, but in the sense of truth *simpliciter*. However, this approach does not leave us any opportunity to talk about modal truths *simpliciter*, modal epistemology and substantive truth conditions for modal claims.

(2) This approach does not take into account the role of imagination and mental modeling

¹Фролов Константин Геннадьевич — научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии НИУ ВШЭ, Москва; старший научный сотрудник Института философии СПбГУ, Санкт-Петербург.

Konstantin Frolov, International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy, HSE University, Moscow.

kgfrolov@hse.ru

²Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием».

in what E. Borisov calls the ‘intuitive meaning’ of the analysed claims. However, taking into account imagination and mental modeling shows that the vast majority of the cases under consideration deal with epistemic and not alethic modality. In the absence of any modal epistemology we cannot simply postulate the validity of modal truths. Such postulation would be puzzling and unexplainable. And without such postulation of factuality, all the modalities we consider turn out epistemic.

Keywords: cross-world predication, possible worlds semantics, epistemology of modality, metaphysics of modality.

Для цитирования: Фролов К. Г. О моделях интерпретации кросс-мировой предикации // Логико-философские штудии. 2021. Т. 19, № 4. С. 310–315. doi: 10.52119/LPHS.2021.49.50.010.

Как я полагаю, сам формат панельных дискуссий предполагает поиск потенциальных уязвимостей в предлагаемой для обсуждения концепции. В данном случае к обсуждению предложена концепция кросс-мировой предикации Е. Борисова. Поэтому, я надеюсь, Евгений вполне готов к разносторонней проверке его концепции на прочность.

Начать хотелось бы с заключительного утверждения основной части рассматриваемой статьи: «Таким образом, данная формула $[(\lambda x. \diamond (\lambda y. Pux)(x))(j)]$ истинна в w тогда и только тогда, когда существует мир w' , достижимый из w , такой что Джон в w' богаче, чем Джон в w , что соответствует интуитивному пониманию данного предложения [„Джон мог быть богаче“]» (Борисов 2021).

Первое, что хотелось бы отметить, — это то, что, на мой взгляд, никакого «интуитивного понимания» у данного предложения нет вовсе. И дело здесь не столько в том, что неясно, богаче кого мог быть Джон или как он мог быть богаче самого себя (на что направлены основные усилия построений Борисова), сколько в том, что неясно, что значит «мог». В самом деле, едва ли можно удовлетвориться объяснением в духе: «мог» означает, что, по мнению говорящего, «существует мир w' , достижимый из w , такой что...» Ведь такая формулировка всего лишь переводит наше затруднение относительно «мог» на уровень метаязыка: теперь требуется прояснить, что значит «мир, достижимый из w », и вопрос этот, если посмотреть на него не замыленным взглядом логика, оказывается ничуть не проще исходного.

Евгений, разумеется, ответит нам на это, что отношение достижимости задаётся структурой фрейма, на основе которого конструируется модель интерпретации рассматриваемого предложения. Соответственно, Евгений, насколько можно судить, предлагает нам отказаться от обсуждения истинности или ложности модальных утверждений *simpliciter* и ограничиться лишь их оценкой на той или иной модели.

В этот момент и возникает моё главное возражение. Оно состоит в том, что, поставив себе задачу сформулировать семантические условия истинности для мо-

дальних выражений определённого класса, Евгений не просто уклонился от анализа эпистемологических условий истинности (условий верификации) рассматриваемых модальных высказываний, но сознательно заблокировал в рамках своего подхода всякую возможность какого-либо содержательного разговора об этих условиях.

Повторюсь для ясности: дело не в том, что условия верификации утверждений вроде «Джон мог быть богаче» остались неясны, хотя и представляют собой отдельную содержательную проблему, которой Евгений просто не хочет касаться в своём рассмотрении. Дело в том, что никаких содержательных условий верификации модальных утверждений в рамках концепции Евгения Борисова не может быть вовсе. На вопрос о том, является ли то или иное модальное высказывание истинным или ложным, Евгений, несомненно, всякий раз будет отвечать нам одно и то же: «Зависит от модели».

Соответственно, когда говорящий произносит: «Джон мог быть богаче», — он, по мысли Евгения, сообщает нам нечто не столько о Джоне, сколько о своей собственной модели интерпретации, в которой имеется мир w' , достижимый из w , «такой что...» При этом у говорящего может быть одна модель, тогда как у нас — другая. В этом нет ничего удивительного. Проблема, однако, возникает тогда, когда перед нами возникает задача установить, кто же из нас прав. Чья модель соответствует действительности? Отмахнуться от этого вопроса как от изначально бессмысленного — значит сознательно впасть в модальный релятивизм.

При этом полезно сравнить эту ситуацию с простейшим немодальным случаем. Допустим, мы ставим перед собой задачу сформулировать условия истинности для высказывания «Наполеон родился в Аяччо». Сделать это несложно: указанное выражение истинно в модели M , представляющей собой структуру из домена D и функции интерпретации I , тогда и только тогда, когда упорядоченная пара значений соответствующих термов в данной модели принадлежит объёму соответствующего предиката, интерпретированного на той же модели:

$$M \models \text{Родился_в_городе}(\text{Наполеон}, \text{Аяччо}) \\ \Leftrightarrow \langle I(\text{Наполеон}), I(\text{Аяччо}) \rangle \in I(\text{Родился_в_городе})$$

Как и всегда в подобных случаях, на некоторых моделях рассматриваемое утверждение выполняется, на некоторых не выполняется. Однако при этом классический теоретико-модельный подход вовсе не лишает нас самой возможности задаваться вопросом о том, какая из множества разнообразных моделей в большей мере соответствует действительности. Тем самым, вопрос о том, является ли утверждение «Наполеон родился в Аяччо» истинным *simpliciter*, остаётся вполне осмысленным и легитимным.

В свою очередь, подход, которому следует Борисов в отношении рассматриваемого им класса модальных высказываний, полностью лишает нас такой возможности.

В самом деле, допустим, я выношу на рассмотрение утверждение:

«Евгений Борисов как он есть, возможно, богаче Скруджа Макдака»³. (*)

Как можно установить истинность или ложность (*)? Евгений привычно отвечает нам: «Всё зависит от модели. Если в домене модели, являющемся объединением индивидов из всех миров, найдётся такой индивид Макдак_ w', что

$$(\exists w')@Rw' \ \& \ \langle \text{Борисов_@, Макдак_}w' \rangle \in I(\text{Богаче})(\langle w', @ \rangle),$$

то (*) истинно, а если не найдётся, то ложно». В некоторых моделях (*) истинно, в некоторых ложно. Спрашивать о том, истинно (*) или ложно как таковое, бессмысленно.

И в данном случае, надо признать, такой релятивистский ответ выглядит вполне разумно. Более того, мы попали бы в весьма затруднительное в эпистемологическом плане положение, если бы попытались дать любой иной ответ. Проблема, однако, в том, что отнюдь не все наши модальные суждения в этом отношении аналогичны (*). В большинстве случаев говорящий не просто сообщает нам что-то о своих моделях, но что-то *утверждает* о модальных свойствах объектов или положений дел.

Так, если бы в рамках судебного процесса над пожарным Гениным, принимавшим участие в тушении пожара в торговом центре «Зимняя вишня» в городе Кемерово, мы задались бы вопросом о том, мог ли он сделать больше для спасения детей из кинозала, чем сделал, то вряд ли мы смогли бы удовлетвориться универсальным ответом: «Всё зависит от модели». Ведь установление истинности на модели никоим образом не может быть охарактеризовано как процесс познания действительности. Соответственно, всё бремя собственно познавательных усилий перекладывается на процесс построения модели.

Однако, по Борисову, такая модель, её структура и содержание однозначно трактуются в качестве некой исходной данности. Никакой модальной эпистемологии в данном случае не просто не предполагается. Такая эпистемология попросту невозможна: «При построении модели мы сначала строим фрейм, т. е. задаём множество возможных миров, отношение достижимости между ними и домен для каждого возможного мира, — и лишь затем строим модели на основе данного фрейма» (Борисов 2021).

Сознательное игнорирование эпистемологической составляющей вопроса приводит также к тому, что от внимания Борисова полностью ускользает тот немаловажный факт, что подавляющее большинство рассматриваемых им модальных утверждений касаются воображения и ментального моделирования (Johnson-Laird *et al.* 2017; Khemlani *et al.* 2018): Мэри в своём воображении сравнивает версии Парижа и Лондона; любитель «Битлз» воображает Джона, Пола и Ринго за виолончелями; гость яхты воображал себе эту яхту еще до того, как её увидел; и так далее.

В свою очередь, именно воображение признаётся многими ведущими современными философами в качестве инструмента обоснования истинности тех или иных модальных суждений (Kung 2010; Ichikawa, Jarvis 2012). Причём обоснования не просто истинности на модели, но истинности *simpliciter* (Chalmers 2002; Kung 2016).

Так, когда агент утверждает, что Джон мог быть богаче, он не просто сообщает нам нечто о своей модели интерпретации данного утверждения. Он сообщает нам о своём убеждении в том, что мир, где Джон богаче, достижим из актуального мира.

Однако что же всё-таки означает эта достижимость, с точки зрения говорящего? Вопрос этот не такой простой. Как уже отмечалось выше, он не предполагает никакого очевидного и ясного «интуитивного понимания». В первом приближении ответ заключается в том, что говорящий, по-видимому, способен вообразить альтернативную историю мира, в рамках которой оказывается реализованным положение дел, где Джон богаче, чем он есть в актуальном мире (Kung 2010: 648).

Тем самым речь здесь идёт о субъективной эпистемической модальности говорящего (равно как и в случае «Я думал, что ваша яхта больше»), а не об объективной алетической модальности. При этом критерии для обоснованного перехода от эпистемической модальности, характеризующей результаты воображения, к алетической, характеризующей модальные свойства действительности, представляют собой предмет интенсивных дискуссий последнего времени (Gendler, Hawthorne 2002; Kind, Kung 2016; Дёмин 2020). Просто так, вне контекста той или иной модальной эпистемологии, постулировать достоверность модальных истин нет никакой возможности, а без такого постулирования фактичности все рассматриваемые нами модальности оказываются эпистемическими.

Таким образом, подводя некоторые итоги сказанному, я выдвигаю два методологических возражения против подхода Е. Борисова к построению концепции кросс-мировой предикации:

(1) Данный подход не учитывает того обстоятельства, что истинностный статус утверждений модального дискурса, как правило, интересует нас не в теоретико-модельном смысле, а в смысле истинности *simpliciter*. При этом данный подход не оставляет нам никакой возможности говорить о модальной эпистемологии и содержательном обосновании модальных утверждений.

(2) Данный подход не учитывает роли воображения в том, что Евгением Борисовым называется «интуитивным пониманием» рассматриваемых им утверждений. Учёт воображения, в свою очередь, переводит содержание подавляющего числа рассматриваемых Евгением примеров в разряд эпистемической модальности говорящего. При этом корректный переход от субъективной эпистемической модальности говорящего к любым объективным типам модальности в рамках подхода Евгения попросту не может быть осуществлён, поскольку такой переход предполагает наличие внятной концепции модальной эпистемологии, чего Евгений нам

не предлагает. Истинность любых рассматриваемых им примеров — это истинность на моделях говорящих, то есть на фреймах, в рамках которых говорящие полагают некоторые миры достижимыми из актуального.

Помимо этих двух методологических замечаний у меня также есть и третье замечание общего характера.

(3) Мне представляется, что сами задачи, которые поставил перед собой Евгений, являются чисто техническими, а их решение не имеет никаких очевидных философских последствий. Имею в виду, что Евгений, решая эти задачи, попросту не занимается философией. И даже, по-видимому, сознательно ищет (и успешно находит) способ относительно законно философией не заниматься.

Соответственно, мои предыдущие два возражения призваны, насколько это возможно, вернуть Евгения в пространство собственно философской проблематики. Надеюсь, он не проигнорирует это моё предложение.

Литература

- Борисов 2021 — *Борисов Е. В.* Кросс-мировая предикация в естественном языке и в логической семантике // *Логико-философские штудии*. 2021. Т. 19, № 3.
- Дёмин 2020 — *Дёмин Т. С.* Аргумент представимости Дэвида Чалмерса // *Философский журнал*. 2020. Т. 13, № 3. С. 162–174.
- Chalmers 2002 — *Chalmers D.* Does Conceivability Entail Possibility // *Conceivability and Possibility* / ed. by T. Gendler, J. Hawthorne. New York: Oxford University Press, 2002. P. 145–200.
- Gendler, Hawthorne 2002 — *Gendler T., Hawthorne J. (eds.)*. *Conceivability and Possibility*. New York: Oxford University Press, 2002.
- Ichikawa, Jarvis 2012 — *Ichikawa J., Jarvis B.* Rational Imagination and Modal Knowledge // *Noûs*. 2012. Vol. 46, Issue 1. P. 127–158.
- Johnson-Laird *et al.* 2017 — *Johnson-Laird P., Goodwin G., Khemlani S.* Mental Models and Reasoning // *The Routledge International Handbook of Thinking and Reasoning* / ed. by L. J. Ball, V. A. Thompson. London: Routledge, 2017. P. 346–365.
- Khemlani *et al.* 2018 — *Khemlani S., Byrne R., Johnson-Laird P.* Facts and Possibilities: A Model-Based Theory of Sentential Reasoning // *Cognitive Science*. 2018. Vol. 42, Issue 6. P. 1–38. DOI: 10.1111/cogs.12634.
- Kind, Kung 2016 — *Kind A., Kung P. (eds.)*. *Knowledge Through Imagination*. New York: Oxford University Press, 2016. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198716808.001.0001.
- Kung 2010 — *Kung P.* Imagining as a Guide to Possibility // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2010. Vol. 81, no. 3. P. 621–663. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2010.00377.x.
- Kung 2016 — *Kung P.* Imagination and Modal Knowledge // *Knowledge Through Imagination* / ed. by A. Kind, P. Kung. New York: Oxford University Press, 2016. P. 437–450.